

ВИЗАНТИЯ ЕВРОПА РОССИЯ

социальные практики
и взаимосвязь духовных
традиций

Сборник статей
Выпуск 4

Санкт-Петербург
2024

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ МЫСЛЬ МЕЖДУ ВИЗАНТИЗМОМ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

<i>Russell J. R.</i>		
What is Truth? On Alexey Balabanov's Film «The Brother-2»		9
<i>Комаров А. С.</i>		
Русские мыслители-консерваторы XIX–XX вв. о религиозной свободе		32
<i>Медоваров М. В.</i>		
Цели, стратегия и тактика внешней политики России на Балканах в представлении дипломата Ю. С. Карцова		49
<i>Сухорукова О. А.</i>		
Византизм и Российская цивилизация: к вопросу о наследовании Россией Византийской традиции		65
<i>Бакунцев А. В.</i>		
Открытые письма К. Д. Бальмонта и И. А. Бунина к Р. Роллану (1927–1928): причины появления в печати (источниковедческий аспект)		76
<i>Фомин В. В.</i>		
Исихазм как основа неопатристического синтеза		92
<i>Борозенец Т. А.</i>		
Традиционная православная антропология и гуманистический персонализм		102
<i>Кириллов А. А.</i>		
Сценарии конструирования византийского наследия		121
<i>Ищенко Н. С.</i>		
Образ Византии в учебнике Михаила Диунова «Краткий курс истории России. 862–1917» (2023)		131

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЫСЛЬ ОТ НОВОГО ВРЕМЕНИ К МОДЕРНУ И ЕЕ РЕЦЕПЦИИ В РОССИИ

<i>Ноговицин О. Н.</i>		
Либеральное моральное сообщество и идеал нравственного совершенства: фигура Христа в социальной метафизике И. Канта		145

<i>Kuzin I. V., Makovetsky E. A.</i>		
<i>Irrational principles of the Moral Law</i>		
<i>(Highly desirable additions to the Kantian ethical system)</i>		168
<i>Евлампиев Ф. И.</i>		
Идея динамического первоначала в философии И. Г. Фихте		177
<i>Тимофеев А. И.</i>		
Проблема научного анализа искусства в эстетике Гегеля		187
<i>Иваненко А. А.</i>		
Философия истории и историцизм		204
<i>Муравьев А. Н.</i>		
Философское основание наук о духе и природе: прошлое, настоящее и будущее		215
<i>Дмитров И. И.</i>		
Гегель и история философии как наука в трудах мыслителей Советской России		223
<i>Ляшко И. А.</i>		
Древнерусская икона с диалектико-материалистической точки зрения М. А. Лифшица		235
ВИЗАНТИЯ В АНТИЧНОМ, ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ И СЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТАХ		
<i>Синицын А. А.</i>		
Сократ, несущий факел Прометея (антиковед Э.Д. Фролов о титаническом повороте в истории общественной мысли, совершенном афинским философом)		249
<i>Алымова Е. В., Караваева С. В.</i>		
«Аристотель из вторых рук»: рецепции философии Аристотеля на Руси		277
<i>Мочалова И. Н.</i>		
Путь к Аристотелю: от «Утреннего света» к «Журналу Министерства народного просвещения»		286
<i>Попов Д. С.</i>		
Стоики-квиетисты, стоики-революционеры и общественно-политический дискурс России конца XIX века (по материалам отечественной периодики)		303

<i>Пантелейев А. Д.</i>		
Отступники от христианства в агиографической традиции (II–III вв.)		315
<i>Миролюбов И. А.</i>		
Император и город: Рим в правление династии Константина Великого		328
<i>Щукин Т. А.</i>		
Педагогический идеал Михаила Пселла и формирование культа Трех Святителей в Византии XI века		344
<i>Ноговицин О. Н., Щукин Т. А.</i>		
Рецепция учения о трех типах универсалий в поздневизантийской мысли: Михаил Пселл, Иоанн Итал, Никифор Влеммид		359
<i>Карпов А. А.</i>		
Основные аргументы Никифора Григоры в полемике со свт. Григорием Паламой, изложенные в «Ромейской истории»		375
<i>Макаров Д. И.</i>		
Черты интертекстуальности в антилатинском трактате Георгия Мосхамбара: к постановке проблемы		386
<i>Сенина Т. А.</i>		
«Зритель на празднике»: жизненный идеал Георгия Гемиста Плифона		395
<i>Акишин С. Б.</i>		
О некоторых мотивах эстетики Ареопагитик в романе У. Эко «Имя розы»		419

СТОИКИ-КВИЕТИСТЫ, СТОИКИ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РОССИИ КОНЦА XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИКИ)*

ПОПОВ
Данил Сергеевич

Кандидат философских наук, ассистент.
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: evseviy-dan@yandex.ru

Ключевые слова: Стоя, стоическая философия, стоицизм,
стоический нарратив, революция, декабристы, Щелгунов.

В работе анализируется рецепция социально-политических идей стоиков на страницах ряда российских периодических изданий конца XIX столетия (журналы «Дело», «Русская мысль», «Вера и разум» и др.). Показано, что рост интереса публики к стоикам в это время отразился в ряде исторических и концептуальных исследований в области социально-политической философии и философии права, а также во включении стоических идей в актуальный политический дискурс, о чем свидетельствуют статьи на эту тему в крупных российских журналах. Если члены революционного движения И.И. Доброльский и Н.В. Щелгунов в журнале «Дело» подвергли стоиков обстоятельной и резкой критике, оценивая их как квииетистов а их учение как помеху на пути позитивного преобразования общества, то видный публицист И.И. Иванов, известный впоследствии своими консервативными взглядами, на страницах «Русской мысли» писал о революционном, позитивно-преобразовательном духе их идей. Продуктивность его интерпретации демонстрируется обращением к «стоическому элементу» в периодике Университетского благородного пансиона, после 1825 г. рассматриваемого властями как рассадник революционных идей.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01129 «Античная философия на страницах российских журналов второй половины XVIII–XIX веков: споры о природе философии, ее национальных особенностях и месте в отечественной культуре» (Санкт-Петербургский государственный университет) <https://rscf.ru/project/23-28-01129/>

В XIX столетии, когда в России происходило зарождение и постепенное становление антиковедения, обращение к стоическим идеям (как к части древней философии) выступало как необходимая часть исторических и концептуальных исследований в области социально-политической философии и философии права. Опираясь на библиографию А. Ященко, можно привести здесь труды таких ученых, как К.А. Неволин («История философии законодательства», 1839), Б.И. Чичерин («История политических учений», 1869), А.Я. Антонович («Курс государственного благоустройства» 1890), С.А. Бершадский («Очерк истории философии права», 1892), Н.М. Коркунов («История философии права», 1895) и др.¹ Были также и переводы, например, книга П. Жанэ «История государственной науки в связи с нравственной философией» (1871), значительная часть которой посвящена стоикам (Ященко 1915, 15–18).

Вместе с тем было бы неверно сказать, что внимание социально-политическим идеям стоиков уделялось лишь на страницах специализированных академических исследований того времени. В последней четверти XIX столетия, когда публика познакомилась с переводами трудов Г. Буасье, К. Марта и Э. Ренана, издания которых были освещены в 1879–1881 гг., российская периодическая печать включала публикации о стоиках (в том числе по мотивам этих трудов) в актуальный для своего времени интеллектуальный дискурс: не только богословский или моралистический, но и политический. И если в целом критика, включая крупных ученых и богословов, встретила появление этих книг весьма тепло, то революционно-демократические круги отреагировали на них достаточно остро. Примеры их критики мы рассмотрим ниже.

Содержание книги К. Марта «Философы и поэты-моралисты во времена Римской империи» привлекло внимание обозревателя столичного журнала «Дело» (1866–1888), видного публициста, участника революционно-демократического движения (он состоял в организации «Земли и воля») Н.В. Щелгунова, перу которого принадлежит статья «Классическое наследство» — отзыв на упомянутую книгу. Не разделяя зачастую восторженного отношения французского моралиста к стоикам, он попытался взглянуть на античность с позиций беспристрастного наблюдателя, где восторгу доблестью древних противополагался взгляд на исторический контекст этой самой доблести: а именно общество, не сумевшее создать «ни положительных знаний,

1 В начале XX столетия такие исследования продолжали Е. Спекторский и А.Н. Фатеев.

ни общественного равенства, ни гражданской свободы, ни прочных государственных учреждений» (Щелгунов 1880, 2). Для того, чтобы предпринять атаку на стоиков и тем самым элиминировать пафос Марта, Щелгунов провел достаточно глубокий анализ философии, науки, социального устройства, культуры древнего мира. Это позволило ему указать на характерные черты древних обществ: неразвитость наук, эксплуатационный характер экономики, превратный характер общественных отношений и нравов (Мочалова, Попов 2024, 405). Особо остановился он на роли стоической философии в жизни Рима. Сама она с ее духовными упражнениями (Щелгунов упоминает рассмотрение совести и *«premeditatio malorum»*) является не более, чем весьма специфическим инструментом для борьбы с бедственными условиями жизни. Описывая превратный характер стоических доктрин, он заметил: «Понятно, что при общем разочаровании и сознании своего бессилия вследствие отсутствия политической жизни, людям оставалось только одно — уйти внутрь себя и искать опоры и утешения в нравственном созерцании и нравственном самоисправлении, опыты которого, конечно, не приводили ни к каким общим результатам» (Щелгунов 1880, 23). Главный недостаток стоической философии, со всей ее возвышенной моралистикой, состоит, поэто-му, в том, что она не привнесла в мир значимых позитивных перемен. Более того, стоики как будто бы поощряли сохранение превратного положения дел: в проповеди безусловного самоотречения Портик «создал мораль гордого бедняка, у которого нет ни семьи, ни средств для жизни, ничего, что составляет личное счастье человека и цель всех его стремлений» (Щелгунов 1880, 28), и явился ничем иным, как протестующим бессилием, презирающим жизнь. Завершая обзор книги Марта, русский революционер выносит приговор как «прославленному классическому миру», так и стремлениям тех, кто хотел бы продвигать его в качестве образца для подражания в современности: «Если бы у древнего мира был свой Лермонтов, он мог бы ему предсказать «о насмешке горькой обманутого сына над промотавшимся отцом»» (Щелгунов 1880, 34).

Примерно в это же время — в 1881 г. — вышло французское издание книги «Марк Аврелий и конец античного мира» Э. Ренана. Эта работа получила высокую оценку со стороны крупного российского филолога В.И. Модестова, который не скрывал симпатий к стоической философии, а также к самому императору, видя в нем идеального правителя древности (Салимгареев 2015, 135). Журнал «Дело» также не преминул откликнуться на эту книгу серией статей «Конец античного мира», за подписью «И. Д.». Скорее всего, их автором явился Иван

Иванович Доброльский (1849–1933)²: врач, ученый, писатель-публицист, революционер, всю свою жизнь посвятивший делу просвещения русского народа (Чихачева 1996). В отличие от Модестова, Доброльского интересовала не возвышенная моралистика Марка Аврелия, но политико-социальный контекст его правления и те конкретные действия, которые император, имея в руках все инструменты для этого, предпринял, дабы добиться улучшения жизни общества. Улучшение это было настоятельно необходимо, поскольку, по мнению Доброльского, древний мир переживал не только моральный, но и материальный упадок: общественно-политическое неравенство, институт рабства, голод, эпидемии, природные катастрофы, эксплуатационный характер экономики, бедность, насилие и произвол властей были характерными чертами римской жизни того времени (И. Д. 1882, 132). Не удовлетворяясь тезисом Ренана, будто бы Марк Аврелий «симвещает в себе все, что было доброго в античном мире» (Ренан 2017, 3), русский публицист предпринял обстоятельный анализ его биографии и учения. Результаты этого анализа весьма разочаровали автора. По его мнению, хотя Марк Аврелий и стремился к народному благу, но его стремления так и остались лишь прекрасными пожеланиями, чего явно недостаточно, чтобы считаться хорошим правителем. Имея в руках огромную власть, император мог бы решительно обновить ветхое здание древнего общества. Однако Марк Аврелий, в лице которого воплощалась философия того времени, «подвизался на поприще филантопии, писал прекрасные, благожелательные указы, философствовал на темы о гуманности, справедливости, свободе, равноправности людей, в тоже время стремился поддерживать во всей их целости старые традиции, освящая самые вопиющие несправедливости и неравенства» (И. Д. 1882, 142). «Короче, — заключал автор, — перед нами вовсе не глубокий ум, не сильный характер, не великий и образцовый монарх... а просто благодушный, довольно слабохарактерный правитель» (И. Д. 1882, 143).

Если говорить о периодических изданиях, то похожие характеристики стоических социально-политических стратегий представлены на страницах ряда российских газет и журналов: университетских и церковных (Попов 2023). Здесь мы встречаем расхожие характеристики стоической философии, будто бы эгоистической и, в отличие от Платона, совершенно не озабоченной общественным благом (Ашмарин 1892). Звучит мысль, что именно принципы стоической философии дурно повлияли на в сущности хорошего Марка Аврелия, «внушили ему покорно, безропотно сносить всякое зло» (Руднев 1889, 24),

2 См.: Масонов 1956, 406.

заставив его считать, что и жизнь, и «дела человеческие» не стоят особого внимания (Руднев 1889, 24). Если и говорилось, что стоик-де должен был участвовать в общественной жизни, то, вслед за Э. Целлером подчеркивалось противоречивость этого требования внутри самой стоической системы, поскольку «с одной стороны, стоическая этика требует от мудреца индивидуальной независимости, с другой, — она требует от него участия в общественной жизни. Первое направление преимущественное и первоначальное» (Говоров 1888, 75). Все это неудивительно, поскольку в философии сложилась длительная традиция понимания стоических идей как асоциальных и индивидуалистичных. Данная интерпретация своими корнями восходит, в частности, к деятельности основателя неостоицизма Юста Липсия, а уже в XIX столетии мощнейший импульс, оказывающий влияние на стоические исследования еще и в наше время, придали ей труды Г. Гегеля (Long 2003, 366). Как известно, философ определял стоицизм как абстрактную свободу самосознания, исторически выступившую «в эпоху всеобщего страха и рабства» (Гегель 1956, 108). С другой стороны, легитимность в академическом пространстве данный взгляд получил в контексте более широкой картины, согласно которой вся эллинистическая философия носила упадочный характер, проявляла тенденции к отчуждению индивида от общества и не может сравниться с расцветом греческой мысли в классическую эпоху. Вместе с тем, в течение последних десятилетий эта интерпретация подверглась значительной ревизии, и сегодня ее можно рассматривать если не как абсолютно некорректную, то, как минимум, весьма и весьма проблемную (Бровкин 2003, 7–30).

Возвращаясь в мир становящегося российского антиковедения второй половины XIX столетия отметим любопытную деталь: несмотря на то, что стоики, казалось бы, безнадежно уступают в своем общественно-политическом видении великим концепциям Платона и Аристотеля (предлагая в лучшем случае нечто вроде абстрактного космополитизма), проповедуют индивидуалистическую мораль, а их настроение совершенно не годится для решительного улучшения общественной жизни, они все же упорно занимают свое место на страницах работ, посвященных исследованиям в области социально-политической философии и философии права. Столь безнадежная в этом отношении философия не должна была бы так неизменно привлекать внимание исследователей. Можно предположить, что причиной тому была как раз проблемность этой интерпретации: за устоявшимися историко-философскими схемами и объективными проблемами с источниками, мешавшими справедливо судить о Стое, к исследователю настойчиво обращался дух подлинного, исторического Портика, чью философию,

пожалуй, можно считать одной из самых социально ориентированных в античности (Gill 2023).

Блестящим образом это понял и отразил в статье «Забытые предшественники XVIII века» для журнала «Русская мысль» Ив. Иванов³. Работа вышла в 1890 г. и в самых своих первых строках отсылала к недавно отмечавшемуся столетию Великой французской революции, призывая по достоинству оценить провозвестников революционных идей — стоиков. «В литературе⁴, — писал он, — как нельзя более популярен упрек стоической школе в эгоизме, в том, что ее последователи учили апатии к внешнему миру и полному равнодушию к судьбе близких. Трудно понять, как могло возникнуть подобное мнение. Оно опровергается чуть ли не каждою страницей любого стоического сочинения. <...> стоики <...> никогда не бежали от обязанностей, возлагаемых на них общежитием. Они делали гораздо больше: они распространяли идеи, которые могли усовершенствовать общежитие» (Иванов 1890, 92).

По мнению Иванова, между стоицизмом и философией революционного века во Франции имеется большое сходство⁵. Он указывал на недоверие стоика к обществу и (зачастую превратной) традиции, его стремление опираться на универсальный порядок природы (и разума) и утверждение автономии личности (Иванов 1890, 91). С другой стороны, русский публицист рассматривал стоиков как «апостолов гуманизма» и «космополитизма, во имя общей свободы» (Иванов 1890, 94). По его мнению, эти идеи снова обрели мощь в XVIII в., о чем свидетельствуют и труды просветителей, и их внимание к философам Портика: апология Сенеки, написанная Дидро, переводы его текстов Гольбахом; открытые симпатии, которые выражали стоикам Робеспьер и Монтескье (Иванов 1890, 94–95).

Идеалы нравственной свободы, гуманизма и космополитизма, впервые выраженные стоиками, — это мощное культурное течение, «чрез “тьму веков” приведшее к великому “веку просвещения”» (Иванов 1890, 89), были, по мнению русского публициста, совершенно чужды и Греции, и Риму как таковым. Философия древних — Платона и Аристотеля — погрязла в бесплотной диалектике (Иванов 1890, 101). В стоической же системе возник «решительный дух протеста» против

3 Насколько можно судить, автором выступил крупный русский публицист, историк, литературовед Иван Иванович Иванов (1862–1929), известный своими консервативными взглядами. См.: Воробьев 2005.

4 Здесь дается ссылка на Плутарха, Тинемана, Мэнкнтоша, Моммзена и др.

5 Заметим, что всё это действительно вполне отвечает тем положениям, которые столь убедительно критиковал в своё время Э. Берк в «Размышлениях о революции во Франции». См.: Берк 1993.

превратных общественно-политических порядков, оказавшийся гибельным для античности в той же мере, в какой философия XVIII в. ознаменовала конец средним векам (Иванов 1890, 90). Причина столь разительного отличия в образе мышления лежит в том, что стоики изначально были варварскими философами⁶, не питавшими уважения к законам, по которым они считались низшими существами. Именно поэтому они впервые обратились к универсальным инстанциям: природе и разуму, внеся в разлагающийся античный мир свежие и чистые духовные силы (Иванов 1890, 97–101).

Конечно, интерпретация Иванова выделялась на общем фоне⁷: до начала процесса «оправдания» и «реабилитации» Стои в академической среде оставалось еще более полувека. Тем не менее, обратившись к прошлому российского государства, мы найдем примеры, когда стоическое влияние действительно могло транслировать революционные идеи. Речь идет о системе образования в Университетском благородном пансионе (1779–1830). Как известно, это элитарное учебное заведение для дворянских детей занимало совершенно особенное, привилегированное положение в системе образования России, а его воспитанниками стал ряд известных ученых, литераторов и общественных деятелей. Закат его был связан с восстанием на Сенатской площади, в котором участвовало более 60 выпускников пансиона (Диссон 2005, 199–200). Власти весьма справедливо и обоснованно стали рассматривать Благородный пансион как рассадник вредного свободомыслия. Так, знаменитый начальник III отделения А.Х. Бенкendorф в 1830 г. замечал: «Среди... воспитанников... пансиона при Московском университете... встречаем многих... мечтающих о революциях и верящих в возможность конституционного правления в России» (Мурьянов 1981, 290). Справедливость этого мнения подтверждают слова бывшего пансионера В.Ф. Раевского: «Московский университетский пансион... приготовлял юношей, которые развивали новые понятия, высокие идеи о своем отечестве, понимали свое унижение, угнетение народное. Гвардия наполнена была офицерами из этого заведения» (Мурьянов 1981, 290).

-
- 6 Интересно, что здесь прослеживается некоторая параллель со взглядами М. Поленца, теория которого о восточном влиянии на Портик из-за семитского происхождения и ментальности Зенона и Хрисиппа хотя и не разделяется большинством современных исследователей, всё же находит своих сторонников. См.: Pohlenz 1926; Сидаш 2008, 308.
- 7 Впрочем, сама по себе она не являла собой что-то уникальное. Мы находим примеры подобных интерпретаций в переводных публикациях начала XIX в. в российских изданиях. См., например: Эпиктет 1832, 10–12.

Какое же отношению стоики имеют к «революционным» нравам воспитанников Университетского благородного пансиона? Дело в том, что в нем огромное внимание уделялось, помимо всего прочего, нравственному воспитанию юношей. Питомцы пансиона практически во все время его существования издавали сборники своих трудов: речей, стихов, переводов с древних и новых языков различных научных, исторических, литературных и философских текстов. Что касается стоиков, то на страницах пансионской периодики они представлены, пожалуй, обширнее всех прочих новых и древних философских школ. Переводы стоических (Сенека, Клеанф) и околостоических (Цицерон) текстов и различных стоицизирующих этюдов европейских авторов (фрагменты из «Слова похвального Марку Аврелию», из трагедии Дж. Аддисона «Катон»; «Сон Марка Аврелия» и др.) представлены на страницах изданий⁸ «Распускающийся цветок» (1787), «Полезное упражнение юношества» (1789), «Утренняя заря» (1800–1808), «И отдых в пользу» (1804), «Каллиопа» (1815–1820) и др. В «Опыте руководства к истории философии» — учебнике по истории философии для воспитанников — видный пансионный преподаватель, знаток древних языков и один из первых российских историков философии Иван Иванович Давыдова (1794–1863) не только выделял греческих и римских стоиков среди всех прочих античных философов, но и явственно представлял их как противников принципата и поборников республиканских ценностей (Давыдов 1820, 92–93).

Конечно, внимание к стоической философии, хотя и заметное через материалы пансионной периодики, не свидетельствует с необходимостью о влиянии «решительного духа протеста» на воспитанников пансиона. Однако, как указывал М.Ю. Лотман, декабристы в быту воплощали примеры так называемого «кримского поведения» (в противоположность широко распространенному «французскому»), примером которого служил в том числе Катон (Лотман 1975, 62). Если мы рассмотрим эти указания в свете современных непредвзятых стоических исследований, которые подчеркивают факт огромного внимания стоиков к общественно-политическому измерению человеческого существования, то вполне можем найти наше предположение по меньшей мере не лишенным основания.

Таким образом, можно сказать, что внимание российской периодики конца XIX в. к стоическим социально-политическим идеям, хотя и отмечено сильным влиянием традиции, все же не сводилось к ней.

8 Особенности представления стоиков на страницах этих изданий не может быть раскрыто здесь и требует отдельного исследования.

Существенно, что на фоне общего интереса к античности и Портику, их обсуждение оказалось включено в актуальный для России того времени политический дискурс. Любопытно, что если участники революционного движения (Щелгунов, Добровольский) обвиняли стоиков в квиетизме, то впоследствии известный своими консервативными взглядами И.И. Иванов сближал их с революционерами, усматривая в их учении «решительный дух протesta». Верные оценки И.И. Иванова подтверждаются обращением к периодике Университетского благородного пансиона, «стоический элемент» в которой позволяет предположить некоторое возможное влияние стоиков на формирование у пансионеров свойственных декабристам идеалов «кримского поведения».

ЛИТЕРАТУРА

- Антонович, А.Я. (1888), “Курс государственного благоустройства (полицейского права)”, *Университетские известия* 3: 33–56.
- Ашмарин, В. (1892), “[Рец. на:] Мораль стоицизма и христианское нравоучение. И. Невзоров. Казань. 1892 г.”, in *Волжский вестник* 305: 2–3.
- Берк, Э. (1993), *Размышления о революции во Франции*. М.: Рудомино.
- Бровкин, В.В. (2023), *Греческая философия и политическое развитие античного мира в период раннего эллинизма: монография*. СПб.: Изд-во РХГА.
- Воробьев, В.М. (2005), “Иван Иванович Иванов”, in *Наши земляки — гордость тверского края*. URL: <https://iroto.ru/nauchno-metodicheskaya-deyatelnost/okraevedenii-i-ne-tolko/tverskaya-zemlya-licza,-sobyitiya,-faktyi/nashi-zemlyaki-%E2%80%93-gordost-tverskogo-kraya/>
- Гегель, Г.В.Ф. (1959), “Феноменология духа”, in Г.В.Ф., Гегель, *Сочинения в 14 т.* Т. 4. М.: Изд-во социально-экономической литературы.
- Говоров, С. (1888), “Моральная философия стоиков в отношении к христианству”, *Вера и разум* 2: 74–94.
- Давыдов, И.И. (1820), *Опыт руководства к истории философии: Для благородных воспитанников Университетского пансиона*. М.: Университетская типография.
- Диссон, Ю.А. (2005), “Московский университетский благородный пансион в системе народного просвещения России конца XVIII — первой трети XIX века”, in *Труды XV ежегодной богословской конференции*. Т. 2, 199–210. М.: Изд-во ПСТГУ.
- И. Д. (1882), “Конец античного мира”, *Дело* 5: 125–148.
- Иванов, Ив. (1890), “Забытые предшественники XVIII века”, *Русская мысль* 2: 86–103.
- Лотман, М.Ю. (1975), “Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория)”, in *Литературное наследие декабристов*, 25–74. Л.: Наука.
- Масонов, И.Ф. (1956), *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей*. В 4 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия.

- Мочалова, И.Н., Попов, Д.С. (2024), "Античный стоицизм в русской периодике XIX века: особенности рецепции", *ΣΧΟΛΗ: Античная философия и классическая традиция* 18.1: 387–409.
- Мурьянов, М.Ф. (1981), "Московский университетский благородный пансион", in *Лермонтовская энциклопедия*, 289–291. М.: Советская энциклопедия.
- Попов, Д.С. (2023), "Стоический нарратив в журнале «Вера и разум» (1884–1917)”, *ΣΧΟΛΗ: Античная философия и классическая традиция* 17.2: 875–887.
- Ренан, Э. (2017), *Марк Аврелий и конец античного мира*. М.: Книговек.
- Руднев, В. (1889), "Император Марк Аврелий в его отношении к христианству", *Вера и разум* 13: 17–36.
- Салимгареев, М.В. (2015), "Образы римских стоиков в творчестве В.И. Модестова", *Вестник Томского государственного университета* 400: 134–137.
- Сидаш, Т.Г. (2008), "О полемике Плутарха со стоиками", in Плутарх. *Сочинения*, 302–350. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Чихачева, Е.В. (1996), "Очерк о жизни одного русского интеллигента", in *Череповец: Краеведческий альманах*. Вып. 1, 192–210. Вологда: Русь.
- Щелгунов, Н. (1880), "Классическое наследство", *Дело* 6: 1–34.
- Эпиктет (1832), "Эпиктет", *Северная Минерва* 1: 5–22.
- Ященко, А. (1915), *Русская библиография по истории древней философии*. Юрьев: Тип. К. Маттисена.
- Antonovich, A.Y. (1888), "The Course of State Improvement (Police Law)", *Universitetskie izvestiya* 3: 33–56. (in Russian.)
- Ashmarin, V. (1892), "[Review of:] The Morality of Stoicism and Christian Morality. I. Nevzorov. Kazan. 1892", in *Volzhsky Vestnik* 305: 2–3. (in Russian.)
- Brovkin, V.V. (2023), *Greek philosophy and political development of the ancient world in the period of early Hellenism: a monograph*. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Academy for the Humanities. (in Russian.)
- Burke, E. (1993), *Reflections on the Revolution in France*. Moscow: Rudomino. (in Russian.)
- Chikhacheva, E.V. (1996), "Sketch about the life of one Russian intellectual", in *Cherepovets: Local History Almanac*, Issue 1, 192–210. Vologda: Rus. (in Russian.)
- Davydov, I.I. (1820), *Experience of a guide to the history of philosophy: For noble pupils of the University boarding house*. Moscow: University Typography. (in Russian.)
- Disson, Y.A. (2005), "Moscow University noble boarding school in the system of public education of Russia at the end of 18th — the first third of 19th century", in *Proceedings of XV Annual Theological Conference*, Vol. 2, 199–210. Moscow: Publishing House of the St. Tikhon Orthodox University of Humanities. (in Russian.)
- Gill, Ch. (2023), *Learning to Live Naturally. Stoic Ethics and its Modern Significance*. Oxford: Oxford University Press.
- Govorov, S. (1888), "Moral Philosophy of the Stoics in Relation to Christianity", *Faith and Reason* 2: 74–94. (in Russian.)
- Epictetus (1832), "Epictetus", *Severnaya Minerva* 1: 5–22. (in Russian.)

- Hegel, G.W.F. (1959), "Phenomenology of the spirit", in G.W.F., Hegel, *Collected Works*, 14 vols., vol. 4. Moscow: Publishing House of Socio-Economic Literature (in Russian.)
- I. D. (1882), "The End of the Ancient World", *Delo* 5: 125–148. (in Russian.)
- Ivanov, Iv. (1890), "The Forgotten Predecessors of the Eighteenth Century", *Russian Thought* 2: 86–103. (in Russian.)
- Long, A. (2003), "Stoicism in the Philosophical Tradition: Spinoza, Lipsius, Butler", in *The Cambridge Companion to the Stoics*, 365–392, Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Lotman, M.Y. (1975), "Decembrist in Everyday Life (Domestic Behavior as a Historical and Psychological Category)", in *Literary Heritage of the Decembrists*, 25–74. Leningrad: Nauka. (in Russian.)
- Masonov, I.F. (1956), *Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures*, In 4 vols., Vol. 1. Moscow: Soviet Encyclopedia. (in Russian.)
- Mochalova, I.N., Popov, D.S. (2024), "Antique Stoicism in Russian Periodicals of the 19th Century: Peculiarities of Reception", *ΣΧΟΛΗ: Ancient Philosophy and the Classical Tradition* 18.1: 387–409. (in Russian.)
- Muryanov, M.F. (1981), "Moscow University Noble Boarding House", in *Lermontov Encyclopedia*, 289–291. Moscow: Soviet Encyclopedia. (in Russian.)
- Pohlenz, M. (1926), "Stoa und Semitismus", *Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Jugendlbildung* 3: 257–270.
- Popov, D.S. (2023), "Stoic Narrative in the Journal 'Faith and Reason' (1884–1917)", *ΣΧΟΛΗ: Ancient Philosophy and the Classical Tradition* 17.2: 875–887. (in Russian.)
- Renan, E. (2017), *Marcus Aurelius and the End of the Ancient World*. Moscow: Knigovek. (in Russian.)
- Rudnev, V. (1889), "The Emperor Marcus Aurelius in His Relation to Christianity", *Faith and Reason* 13: 17–36. (in Russian.)
- Salimgareev, M.V. (2015), "Images of the Roman Stoics in the Work of V.I. Modestov", *Tomsk State University Journal* 400: 134–137. (in Russian.)
- Shchelgunov, N. (1880), "Classical Heritage", *Delo* 6: 1–34. (in Russian.)
- Sidash, T.G. (2008), "On Plutarch's Polemic with the Stoics", in Plutarch, *Works*, 302–350. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (in Russian.)
- Vorobyev, V.M. (2005), "Ivan Ivanovich Ivanov", in *Our Countrymen — Pride of the Tver Region*. URL: <https://iroto.ru/nauchno-metodicheskaya-deyatelnost/o-kraevedenii-i-ne-tolko/tverskaya-zemlya-licza,-sobyitiya,-faktyi/nashi-zemlyaki-%E2%80%93-gordost-tverskogo-kraya/> (in Russian.)
- Yashchenko, A. (1915), *Russian Bibliography on the History of Ancient Philosophy*. Yuryev: Typography of K. Matthiesen. (in Russian.)

STOICS-QUIETISTS, STOICS-REVOLUTIONARIES AND POLITICAL DISCOURSE OF RUSSIA AT THE END OF THE 19TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF RUSSIAN PERIODICALS)

POPOV, Danil S.

CSc in Philosophy, Assistant.

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: evseviy-dan@yandex.ru

Keywords: Stoa, Stoic philosophy, Stoicism, Stoic narrative, revolution, Decembrists, Shchelgunov.

The paper analyzes the reception of political ideas of the Stoics on the pages of Russian periodicals of the late 19th century (Delo, Russkaya Mysl, Vera I Razum, etc.). It is shown that the growth of public interest in the Stoics at this time was reflected in some historical and conceptual studies in the field of political thought and philosophy of law, as well as in the inclusion of Stoic ideas in the current political discourse, as evidenced by articles on this topic in major Russian journals. While members of the revolutionary movement I. Dobrovolsky and N. Shchelgunov harshly criticized the Stoics in the journal Delo, regarding them as quietists and their doctrine as a hindrance on the way of positive transformation of society, the prominent publicist I.I. Ivanov, known later for his conservative views, wrote about the revolutionary spirit of their philosophy on the pages of Russkaya Mysl. The correctness of this approach is demonstrated by the reference to the "Stoic element" in the periodicals of University Noble Boarding School, which was regarded by the authorities as a hotbed of revolutionary ideas after 1825.

Asknnowledgments: The study was funded by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01129 "Ancient Philosophy on the Pages of Russian Journals of the Second Half of the 18th–19th Centuries: Disputes About the Nature of Philosophy, its National Peculiarity, and its Place in Domestic Culture" (Saint Petersburg State University) <https://rscf.ru/en/project/23-28-01129/>

DOI: 10.31119/berst.2024.4.21
